

УДК 81'373"10/18" + 81'42

UDC 81'373"10/18" + 81'42

ЛЮБОВЬ И СТРАСТЬ В ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА В. БРЮСОВА

LOVE AND PASSION IN V. BRYUSOV'S POETIC WORLDVIEW

А. Н. Федоринчик,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры языкознания
и лингводидактики Белорусского
государственного педагогического
университета имени Максима Танка
ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-9626-5025>

A. Fedorinchik,
PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of Linguistics
and Linguodidactics, Belarusian
State Pedagogical University
named after Maxim Tank
ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-9626-5025>

Поступила в редакцию 26.02.2025.

Received on 26.02.2025.

В статье исследуются репрезентации любви и страсти в поэтической картине мира В. Брюсова. Подчеркивается значимость любви и страсти в раскрытии специфики брюсовской поэзии, русского языкового сознания. Утверждается, что в поэтической картине мира В. Брюсова эмоции любовь и страсть входят в одно эмоционально-смысловое пространство и вступают во взаимодействие, отражая мировосприятие и миропонимание художника слова. Приводятся данные Национального корпуса русского языка (поэтический корпус), иллюстрирующие количественное употребление ключевых лексем-репрезентантов любви и страсти в поэзии В. Брюсова. Выявленные характеристики любви и страсти представляют особенности реализации данных эмоций в поэтических произведениях В. Брюсова. Отмечается разнообразие общеязыковых значений и индивидуально-авторских осмыслений любви и страсти, что говорит о богатстве поэтической картины мира В. Брюсова, о целостности его мировосприятия.

Ключевые слова: В. Брюсов, поэтическая картина мира, любовь, страсть, лексем-репрезентанты, ассоциативные ряды, интегральная сема, дифференциальная сема.

The article examines the representations of love and passion in the poetic worldview of V. Bryusov. The importance of love and passion in revealing the specifics of Bryusov's poetry and Russian linguistic consciousness is emphasized. It is argued that in V. Bryusov's poetic worldview, emotions love and passion enter into one emotional and semantic space and interact, reflecting the artist's perception of the world and worldview of the word. The data of the National Corpus of the Russian Language (poetic corpus) are presented, illustrating the quantitative use of key lexemes representing love and passion in poetry. Bryusov's. The revealed characteristics of love and passion represent the features of the realization of these emotions in the poetic works of V. Bryusov. The diversity of common linguistic meanings and individual authorial conceptions of love and passion is noted, which indicates the richness of V. Bryusov's poetic worldview, the integrity of his worldview.

Keywords: V. Bryusov, poetic worldview, love, passion, representative lexemes, associative series, integral seme, differential seme.

В русской языковой картине мира и поэтической картине мира В. Брюсова тема любви-страсти является фундаментальной. Исследованию данной темы в поэтическом творчестве В. Брюсова посвящены работы Э. С. Даниелян [1], В. С. Дронова [2], В. М. Жирмунского [3], Д. Е. Максимова [4]. По мнению ученых, тема любви-страсти в идиостиле В. Брюсова противопоставлена «духовному бессилию современников поэта» [2, с. 69–70]. В. М. Жирмунский констатирует: «особое значение в поэзии Брюсова имеют образы страсти, Брюсов по преимуществу – поэт страсти» [3, с. 206]. Д. Е. Максимов отмечает, что В. Брюсов в своем поэтическом творчестве проповедовал культ *страсти* [4, с. 91]. Более того, в поэтической картине мира В. Брюсова положительные эмоции *любовь* и *страсть* входят в одно эмоционально-смысловое пространство и вступают во взаимодействие, отражая мировосприятие и миропонимание художника слова.

Актуальность исследования определяется значимостью *любви* и *страсти* в раскрытии специфики поэтической картины мира В. Брюсова, русского языкового сознания.

Целью исследования является изучение репрезентации *любви* и *страсти* в поэтической картине мира В. Брюсова, выявление индивидуально-авторских реализаций *любви* и *страсти* в поэтических произведениях художника слова.

Материалом исследования послужили данные словарей [5; 6], Национального корпуса русского языка (поэтический корпус) [7], а также 570 контекстов, содержащих описание *любви* и *страсти*, извлеченных из поэтических текстов академических собраний сочинений В. Брюсова [8–10].

Исследование специфики репрезентации *любви* и *страсти* в поэтической картине мира В. Брюсова позволило определить общеязыковые значения и индивидуально-авторские осмысления указанных положительных эмоций. В поэзии В. Брюсова данные эмоции продуктивно объективируются ключевыми лексемами *любовь*, *страсть*. В ходе количественного анализа с использованием данных Национального корпуса русского языка (поэтический корпус) было определено соотношение словоупотреблений названных ключевых лексем-репрезентантов

в текстах В. Брюсова: *любовь* – 353 словоупотребления, *страсть* – 212 словоупотреблений [7]. Наличие лексем-репрезентантов *любви* (120 словоупотреблений), *страсти* (27 словоупотреблений) в сильной позиции текста («Любовь», «Дворец Любви», «Стихи о любви», «Страсти сны», «Царица Страсть», «Алтарь Страсти» и др.) подтверждает значимость названных эмоций в поэтической картине мира В. Брюсова.

В поэзии В. Брюсова репрезентанты *любви* и *страсти* представлены в разных реализациях. Так, в лирике поэта частотны лексемы, номинирующие субъектов *любви* (*любимец*, *любимица(ы)*, *любовник(и)*, *любовница(ы)*), *вольнолюбей*), отражающих личностный характер отношений. Репрезентанты *любви* и *страсти* создают яркие образы (*Афродита-Любовь*, *любовник-месяц*, *любовница-Волга*, *ласка-любовь*, *призрак-страсть*, *бабочка-страсть*). Употребление устаревших форм *любви*, *любвей* отражают народно-поэтический колорит произведения, стремление поэта к природному естеству. В поэзии В. Брюсова разные проявления эмоций эксплицируют лексемы *странно-сладострастный*, *жадно-страстные*, *стыдливо-страстный*, *угрюмо-страстный*, *просветленно-страстный*, *дьявольски-бесстрастный*, *бесстрастно-восторжен*, *мертво-бесстрастные*. Для В. Брюсова характерны лексемы с частью *сладо* (*сладостно-влюбленный*, *сладострастье(тие)*, *сладострастный*, *сладострастно*), передающие восприятие эмоций как чего-то приятного, как наслаждения. Контрастное осмысление жизни раскрывается через оппозицию «страстный / бесстрастный», о чем свидетельствует наличие в брюсовских контекстах лексем, указывающих на отсутствие *страсти* (*бесстрастье(тие)*, *бесстрастный*, *бесстрастные*, *бесстрастен*, *бесстрастно*, *беспристрастье*, *беспристрастный*).

В результате исследования выявлены ассоциативные ряды, которые в поэзии В. Брюсова передают синкретизм эмоциональных состояний (*и страсть и горесть*, *и любовь*; *Там скорбь и страсть*), переплетение разных эмоциональных состояний (*Житейских тягостных тревожностей*, / *Сомнений, унижений, страсти*). У В. Брюсова превалируют ассоциативные ряды, включающие лексему *любовь* (*Любовь и Смерть*, *Смерть и Любовь*; *любовь и труд*; *Ни любовь, ни сострадание, ни красота*). Ассоциативные ряды *любви* и *страсти* отражают различные эмоциональные состояния лирического героя, его взаимодействие с разнообразными проявлениями жизни: от абстрактных восприятий до конкретных осмыслений. Разнородность понятий и синкретичность эмоций говорит о включенности во внутренний мир героя событийного начала, представленного палитрой чувств.

В картине мира В. Брюсова *любовь* осмысливается прежде всего как межличностное чувство. В лирике поэта активно реализуются различные представления «о человеке, внушающем такое

чувство» [5, с. 364]. Частотны контексты, в которых в качестве субъекта *любви* выступает возлюбленная (*любимая*, *возлюбленная*, *дорогая*, *единая*, *ненавистная*, *несмелая*, *проклятая* и др.). Менее употребительны тексты, в которых представлен возлюбленный (*милый*, *ладья*, *раб*, *чайка*). Встречается у поэта объективация влюбленные. Приоритетность женщины в субъективации *любви* говорит о ее основополагающей роли в межличностных отношениях и мироустройстве.

Во многих произведениях В. Брюсова отражается индивидуально-авторское представление о возлюбленной посредством актуализации интегральной семы «центральная значимость возлюбленной». У В. Брюсова возлюбленная уподобляется царице. Лексема царица имеет интегральную сему «правительница» и дифференциальную сему «избранность возлюбленной», которая дополняется семой «достойная уважения и восхищения»: *В замок угрюмый, старинный, / старинный он ввел, как / царицу, тебя, / Чтил он твой взор и твой голос / певучий, тебе поклонялся, / любя* («Памяти В. Ф. Комиссаржевской»). Доминирующая роль возлюбленной подчеркивается лексемой учитель, имеющей интегральную сему «женщина-наставник»: *Предвестье жизни, мой учитель, Леля! / Тебя я назвал первой меж других / Имен любимых, памятных, живых* («Роковой ряд»). Примечательно, что интегральные семы «правительница» и «женщина-наставник» у В. Брюсова дополняются семой «главная». Помимо этого, для В. Брюсова свойственен мотив покорности, который раскрывается в восприятии возлюбленной как царицы (*царственная, царицы земные*), а возлюбленного как раба (*речь раба*). К тому же рабская покорность возлюбленного актуализируется своеобразным восприятием любимой (*зверь неутомимо-гибкий*).

Следует отметить, что в поэтических произведениях В. Брюсова указанная выше интегральная сема «центральная значимость возлюбленной» раскрывается также посредством лексем, содержащих дифференциальную сему «уникальность возлюбленной»: *Люблю я имя Анна, / Во меле – как сладкий грех. / Оно зовет и странно / Звучит, как дальний смех. / Люблю в нем – унижений / Таинственную власть...* <...> *И день забрезжит вновь. / С ним имя Иоанна, / С ним мудрость и любовь* («Люблю я имя Анна»). Для лирического героя возлюбленная дороже, чем золото.

В поэзии В. Брюсова «предмет любви» осмысливается с точки зрения восприятия и понимания красоты. О взаимодействии *любви* и красоты писал Эмбрео Леон: «Именно красота делает любимым каждого любимого и влюбленным каждого влюбленного и является началом, серединой и концом всякой любви» [11, с. 243]. Красота в русской языковой картине мира и поэтической картине мира В. Брюсова выступает причиной *любви*. У В. Брюсова красота любимой получает положительную (*дорогая, ангел мой*) и отрицательную оценку (*с черной красотой*), переплетается со сновиденческими мотивами (*сны Красавицы Ночной*).

В брюсовской поэзии *любовь* двойственна, включает положительные и отрицательные проявления чувства. Так, в одних случаях передается нежное, трепетное отношение к любимой (*моя любовь, на колени склонюсь пред тобой*), в других, наряду с положительными репрезентантами любимой, присутствуют оценочные коннотативные семы 'хорошая' / 'плохая', создающие контрастное восприятие возлюбленной, подчеркивающие ее многоликость (*милая, ангел, дьяволица, злая*).

У В. Брюсова любовные отношения представлены образами природы. Влюбленные находятся под покровительством сил природы (*зарницы <...> влюбленных стерегли*), другом влюбленных предстает сакральная птица соловей, символизирующая любовь, свободу, радость и спасение (*друг всех влюбленных, соловей*), природа становится соучастником любви (*обручили гулы водопада, благословил платан, венчанье славил океан, алтарем служила скал громада*).

В репрезентации *любви* важную роль играют тексты, эксплицирующие мифологические отношения. В поэзии В. Брюсова мифологические отношения актуализируются в названиях поэтического цикла «Шаги Афродиты» и стихотворений «Гимн Афродите», «Заклятье Эроса». Божественная сущность Афродиты, Амура, Эроса представлены в разнообразных контекстах. Так, Афродита у В. Брюсова бессмертна (*Гимн Афродите бессмертной*), полна света и божественной радости (*бессмертной и светлой богине, радостный лик*), обладает роковой властью (*Власть Афродиты рокова!*), путь к ней труден (*Крута ступень в храм Афродиты*) и вызывает состояние страха (*Лицо, в знак страха, склонено!*). Лукавый Амур у поэта жесток (*беспощадный Амур*), похож на странника, путешественника, богомольца (*в одежде скромной и убогой / Как странника, увидел я Амура*). Кроме этого, Амур ассоциируется с талисманом (*Храни меня отныне ты*), что говорит о влиянии пушкинских традиций (аллюзия на А. С. Пушкина, ср. *храни меня, мой талисман*). В стихотворении «Покорность» любовь – это стрела Эроса, а Эрос – это *ребенок златокудрый*, которого *люди назвали Судьбой*. Как видим, мифологические манифестации *любви* у В. Брюсова представляют мир эмоций в диахроническом аспекте и говорят о целостности мировосприятия автора.

Не менее значимы в осмыслении мира эмоций репрезентации страсти. Для В. Брюсова *страсть* – это «вечно живой идеал человеческой жизни» [12, с. 115]. Целомудрие, по мнению поэта, «есть мудрость в страсти, сознание святости страсти» [12, с. 119]. В поэтических произведениях В. Брюсова *страсть* является неотъемлемой частью любовных отношений и реализуется через значение 'сильная, безудержная любовь с преобладанием чувственного влечения' [6, с. 1001]. Данные характеристики манифестируются в текстах, где лексема *страсть* содержит семный конкретизатор 'большая степень эмоции', интегральную сему 'состояние эмоции', а также различается дифференциальными

семами 'тайна': *Но как молчать, любовь тая, о дорогая, страсть тая?* («Подражание ашугам»), 'преданность': *Идут года. Но с прежней страстью, / Как мальчик, я дышать готов / Любви неотвратимой властью / И властью огненных стихов* («Идут года. Но с прежней страстью»). В поэзии В. Брюсова страстное влечение раскрывается через действия: *Эти губки слишком красны: Ах! пока угрюмо-страстный / Не сжимал их поцелуй!* («Девочка с цветами»). У поэта «орудием страсти является «тело» [3, с. 207]: *лаская страстные тела; От ласк <...> горели / Лицо, и грудь, и шея; картина <...> страстной ласки* и др. В брюсовском стихотворении «Поэт – музе» женский образ поэтического вдохновения наполнен чувственностью: *Я отрывал уста от ласки страстной, / Чтоб снова быть с тобой*. Сила страсти раскрывается через сочетания *буйство чувственное и огонь искусственный*.

Примечательно, что в текстах В. Брюсова наблюдаются оппозиции «страсть / бесстрастье» и «страсть / любовь», которые отражают эмоциональное состояние лирического героя. Оппозиция «страсть / бесстрастье», эксплицирующая идею действительного (страстного) и недействительного (бесстрастного) в жизни, отражена в текстах, где страсть представляет мир природы (*Туман, бесстрастен и суров*), мир человека (*Некто <...> с улыбкой дьявольски-бесстрастной*), предметный мир (*бесстрастные часы*). Оппозиция «страсть / любовь» манифестирована в текстах, где утверждается, что *любовь* несовместима со *страстью*, она полней и выше, чем даже легкий стон *страсти*. Противопоставление эмоций подтверждается суждениями В. Брюсова: «любовь – чувство в ряду других чувств, возвышенных и низких, сестра ненависти и дружбы, чувства чести и властолюбия. Страсть не знает своего родословия, у нее нет подобных. Любовь – это местная, земная достопримечательность, это – ассигнация, имеющая свою определенную, но все же условную между людьми ценность. <...> Страсть всегда говорит к нам иносказаниями. Всегда должна маскироваться. Мы знаем страсть в личинах любви, в личине инстинкта деторождения, но мы не видим ее истинного лица. Подсмотреть его есть надежда только в минуты перемены маск» [12, с. 117–119].

В. Брюсов полагает, что *страсть* «<...> в самой своей сущности загадка; корни ее за миром людей, вне земного, нашего. <...> Страсть – та точка, где земной мир прикасается к иным бытиям, всегда закрытая, но дверь в них» [12, с. 117]. Данное осмысление *страсти* нашло отражение и в поэтических контекстах В. Брюсова. У поэта *страсть* полна тайн. Она и светлая эмоция, тайная радость (*О тайной радости непостоянства*), и сакральное действие, таинство (*Свершились таинства лобзанья*), и таинственная романтика поцелуев (*И всеми тайнами лобзанья*).

В поэзии В. Брюсова лирический герой находится во власти страсти, она желанна для души и тела: *Ты двойной предаваться жаждешь*

страсти («В духе римских эротиков); Так, сжигающая и казня, / Вспыхнет в думах жажда страсти...» («Вешние воды»). В «Балладе о женщинах былых времен» лишение **страсти** для героя является серьезным испытанием, требующим глубокого осознания противоречий жизни: *Где Элоиза, всех мудрей, / Та, за кого был дерзновенный / Пьер Абеляр лишен страстей / И сам ушел в приют священный?*

В произведениях В. Брюсова **страсть** многогранна. Она предстает и как телеономное, и как эстетическое чувство. Телеономность **страсти** реализуется в контекстах: *Они поймут мой голос не случайный, / Мой страстный вздох, домчавшийся с земли!* («Сын земли»); **Страстным вопросам ответа / Нет в этом мире нигде!** («Зыблются полосы света»); *Истинное сладострастие – за гранью чувства, <...> В сфере вечных мировых идей царит оно!* («Алтарь страсти»). Эстетичность страсти проявляется в музыкальном восприятии: *Вечерней флей-*

ты страстный трепет; страстная, поющая струна; сладострастно песнь ее зовет.

Вышеизложенное свидетельствует о значимости **любви** и **страсти** в раскрытии специфики поэтической картины мира В. Брюсова. Реализации данных эмоций отражают взаимосвязь традиционного и индивидуально-авторского осмысления мира эмоций. В поэтических произведениях В. Брюсова **любовь** – межличностное чувство, **страсть** – неотъемлемая составляющая любовных отношений. Наиболее значима в поэзии В. Брюсова чувственная сторона отношений между мужчиной и женщиной. Обнаженность и наглядность отношений, основанных на **страсти**, создает своеобразную интимизацию поэтического текста. В противопоставлении **страсти** бесстрастью и **любви** отражаются концептуальные представления поэта о бытии. Разнообразие репрезентаций **любви** и **страсти** говорит о богатстве поэтической картины мира В. Брюсова, о целостности его мировосприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даниелян, Э. С. Валерий Брюсов. Проблемы творчества / Э. С. Даниелян. – Ереван : Лингва, 2002. – 175 с.
2. Дронов, В. С. Книга Брюсова «Третья стража» / В. С. Дронов // Брюсовские чтения 1973 года / Ерев. гос. пед. ин-т, Ерев. гос. ун-т, Гос. лит. музей СССР ; ред.-сост. К. В. Айвазян ; чл. редкол.: С. Т. Ахумян [и др.]. – Ереван, 1976. – С. 62–86.
3. Жирмунский, В. Валерий Брюсов и наследие Пушкина / В. Жирмунский // Поэтика русской поэзии / В. Жирмунский ; сост., предисл., В. В. Жирмунской-Аствацатуровой. – СПб., 2001. – С. 198–281.
4. Максимов, Д. Е. Брюсов: поэзия и позиция / Д. Е. Максимов. – Л. : Совет. писатель, 1969. – 240 с.
5. Большой академический словарь русского языка : [в 24 т.] / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; гл. ред. К. С. Горбачевич. – М. ; СПб. : Наука, 2004–2017. – Т. 9. – 2007. – 658 с.
6. Словарь современного русского литературного языка : [в 17 т.] / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; гл. ред.: В. И. Чернышев (гл. ред.) [и др.]. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950–1965. – Т. 14. – 1963. – 1390 стб.
7. Поэтический корпус // Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html> (дата обращения: 15.01.2025).
8. Брюсов, В. Собрание сочинений : в 7 т. / В. Брюсов ; под общ. ред. П. Г. Антокольского [и др.] ; подгот. текстов и примеч. Н. С. Ашукина [и др.] ; вступ. ст. П. Г. Антокольского. – М. : Художеств. лит., 1973–1975. – Т. 1 : Стихотворения. Поэмы. 1892–1909. – 1973. – 670 с.
9. Брюсов, В. Собрание сочинений : в 7 т. / В. Брюсов ; под общ. ред. П. Г. Антокольского [и др.] ; вступ. ст. П. Г. Антокольского. – М. : Художеств. лит., 1973–1975. – Т. 2 : Стихотворения, 1909–1917 / подгот. текстов и примеч. А. А. Козловского. – 1973. – 494 с.
10. Брюсов, В. Собрание сочинений : в 7 т. / В. Брюсов ; под общ. ред. П. Г. Антокольского [и др.] ; вступ. ст. П. Г. Антокольского. – М. : Художеств. лит., 1973–1975. – Т. 3 : Стихотворения 1918–1924 ; Поэма «Египетские ночи» и стихотворения, не включавшиеся В. Я. Брюсовым в сборники 1891–1924 / подгот. текстов и примеч. М. В. Васильева [и др.]. – 1974. – 694 с.
11. Воркачев, С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. – М. : Гнозис, 2007. – 284 с.
12. Брюсов, В. Страсть / В. Брюсов // Среди стихов, 1894–1924 : манифесты, ст., рец. / В. Брюсов. – М., 1990. – С. 114–119.

REFERENCES

1. Danielyan, E. S. Valerij Bryusov. Problemy tvorчества / E. S. Danielyan. – Erevan : Lingva, 2002. – 175 s.
2. Dronov, V. S. Kniga Bryusova «Tret'ya strazha» / V. S. Dronov // Bryusovskie chteniya 1973 goda / Erev. gos. ped. in-t, Erev. gos. un-t, Gos. lit. muzej SSSR ; red.-sost. K. V. Ajvazyan ; chl. redkol.: S. T. Ahumyan [i dr.]. – Erevan, 1976. – S. 62–86.
3. Zhirmunskij, V. Valerij Bryusov i nasledie Pushkina / V. Zhirmunskij // Poetika russkoj poezii / V. Zhirmunskij ; sost., predisl., V. V. Zhirmunskoj-Astvacaturovej. – SPb., 2001. – S. 198–281.
4. Maksimov, D. E. Bryusov: poeziya i poziciya / D. E. Maksimov. – L. : Sovet. pisatel', 1969. – 240 s.
5. Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo yazyka : [v 24 t.] / Ros. akad. nauk, In-t lingvist. issled. ; gl. red. K. S. Gorbachevich. – M. ; SPb. : Nauka, 2004–2017. – T. 9. – 2007. – 658 s.
6. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka : [v 17 t.] / Akad. nauk SSSR, In-t rus. yaz. ; gl. red.: V. I. Chernyshev (gl. red.) [i dr.]. – M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1950–1965. – T. 14. – 1963. – 1390 stb.
7. Poeticheskij korpus // Nacional'nyj korpus russkogo yazyka. – URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html> (data obrashcheniya: 15.01.2025).
8. Bryusov, V. Sobraenie sochinenij : v 7 t. / V. Bryusov ; pod obshch. red. P. G. Antokol'skogo [i dr.] ; podgot. tekstov i primech. N. S. Ashukina [i dr.] ; vstup. st. P. G. Antokol'skogo. – M. : Hudozhestv. lit., 1973–1975. – T. 1 : Stihotvoreniya. Poemy. 1892–1909. – 1973. – 670 s.
9. Bryusov, V. Sobraenie sochinenij : v 7 t. / V. Bryusov ; pod obshch. red. P. G. Antokol'skogo [i dr.] ; vstup. st. P. G. Antokol'skogo. – M. : Hudozhestv. lit., 1973–1975. – T. 2 : Stihotvoreniya, 1909–1917 / podgot. tekstov i primech. A. A. Kozlovskogo. – 1973. – 494 s.
10. Bryusov, V. Sobraenie sochinenij : v 7 t. / V. Bryusov ; pod obshch. red. P. G. Antokol'skogo [i dr.] ; vstup. st. P. G. Antokol'skogo. – M. : Hudozhestv. lit., 1973–1975. – T. 3 : Stihotvoreniya 1918–1924 ; Poema «Egipetskie nochi» i stihotvoreniya, ne vkluchavshiesya V. Ya. Bryusovym v sborniki 1891–1924 / podgot. tekstov i primech. M. V. Vasil'eva [i dr.]. – 1974. – 694 s.
11. Vorkachev, S. G. Lyubov' kak lingvokul'turnyj koncept / S. G. Vorkachev. – M. : Gnozis, 2007. – 284 s.
12. Bryusov, V. Strast' / V. Bryusov // Sredi stihov, 1894–1924 : manifesty, st., rec. / V. Bryusov. – M., 1990. – S. 114–119.